

2 79857 42 21196 8

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

А. Н. БАЖЕНОВА.

ТОМЪ I.

МОСКВА.

1869.

KG 7147

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

А. Тарнов

МОСКВА:

Типографія Косогорова, Мясницкая, Златоустинский пер. д. Воейкова.
1869.

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

А. Н. ВАЖЕНОВА

ТОМЪ I.

МОСКВА:

Типографія Косогорова, Мясницкая, Златоустинскій пер. д. Воейкова.
1869.

PN2720
83

104837

104837

'07.

104837

104837

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

По смерти Александра Николаевича Баженова, родные его поручили мнѣ собрать и издать его сочиненія и переводы.

Представляя теперь первый томъ его сочиненій, заключающій въ себѣ его статьи о московскомъ театрѣ, я не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ о немъ, хотя большая часть этихъ словъ и была уже мною высказана въ *Антрактѣ*, когда я принялъ на себя редакцію этой газеты послѣ смерти Баженова.

Ния писателя, стоящаго въ заглавіи этой книги, не пользуется большою относительно извѣстностью; между тѣмъ это ния писателя трудолюбиваго, честнаго и даровитаго, произведенія котораго принесли не мало пользы и имѣютъ немаловажное значеніе. Такая относительно небольшая извѣстность А. Н. Баженова обуславливается спеціальностью, которой особенно была посвящена дѣятельность этого писателя, дѣятельность, рано прерванная его смертію. Что составляетъ главное въ произведеніяхъ Баженова? Его театральныя рецензіи и переводъ пьесъ *Андрона*. Ни то, ни другое не могло заинтересовать массу; многіе ли у насъ интересуются театральными рецензіями особенно при томъ невысокомъ уровнѣ, на которомъ стоитъ онѣ, съ весьма немногими исключеніями (и рецензіи Баженова принадлежатъ къ числу этихъ исключеній); многихъ ли могутъ интересовать переводъ пьесъ древнегреческаго поэта, особенно славныхъ, такъ сказать, не по своему содержанію, а по своей формѣ?

Между тѣмъ театральныя рецензіи Баженова заслуживаютъ того, чтобы онѣ не погибли съ листами тѣхъ газетъ, въ которыхъ онѣ были первоначально напечатаны, но чтобы онѣ были собраны въ отдѣльную книгу. Одаренный изыщнымъ вкусомъ, очень начитанный, прекрасно образованный, хорошо изучившій теорію и исторію драматическаго искусства, Баженовъ серьезно, съ полною любовью, уваженіемъ къ сво-

ему дѣлу и крайнею добросовѣстностью писалъ свои театральныя рецензіи; поэтому онѣ необходимо должны были имѣть и имѣли большое вліяніе на нашъ театръ и на нашу публику. Эти рецензіи составляли главный предметъ литературной дѣятельности Баженова; вотъ почему я и началъ съ нихъ изданіе его сочиненій. Заключая въ себѣ не мало выработанныхъ данныхъ для развитія теоріи драматическаго искусства, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ составляютъ драгоценный, вѣрный и безпристрастный матеріалъ для исторіи московскаго театра, дѣтопись этого театра за восемь лѣтъ, съ небольшими перерывами, съ октября 1859 г. по октябрь 1867 г.

Александръ Николаевичъ Баженовъ родился въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ Пензенской Губерніи, Городищахъ, 23 августа 1833 г. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ онъ отличался особенною любознательностію и способностью усваивать себѣ видѣнное и слышанное. Встрѣтивъ что-нибудь незнакомое, непонятное ему, ребенокъ не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не добивался отъ кого либо объясненія того, что было ему непонятно. Такая пытливость ума не оставляла Баженова во всю жизнь; онъ не любилъ останавливаться на полудорогѣ, или довольствоваться полуобъясненіемъ, онъ любилъ додумываться до конца, проникать въ сущность предмета. Любовь къ сценическимъ представленіямъ началась въ немъ очень рано: забавляясь картинками подареннаго ему волшебнаго фонаря, еще ребенкомъ онъ сочинялъ къ нимъ рѣзкозамыслимые объясненія. Для подареннаго ему дѣтскаго театра онъ сочинялъ пьесы, которыя и разыгрывалъ на томъ театрѣ. Поступивъ сначала въ пензенскій дворянскій институтъ, а потомъ, по переездѣ семейства въ Москву, перейдя въ 1-ю московскую гимназію, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ этихъ заведеній. Еще въ гимназіи онъ началъ заниматься литературою и даже издавалъ тамъ рукописный журналъ *). Любимое въ дѣтствѣ сценическое искусство постоянно занимало и мальчика-гимназиста. Въ домѣ своей матери онъ устраиваетъ сценическія подмостки и на нихъ каждый семейный праздникъ дается подъ руководствомъ Александра Николаевича любительскій спектакль. Для этихъ спектаклей Баженовъ является и авторомъ, и режиссеромъ, и даже

---

*) Въ то время въ московской 1-й гимназіи нередко составлялись воспитанниками концерты; воспитанникъ, исполнявшій въ концертѣ большее число нумеровъ, назывался бенефициантомъ и въ честь такого бенефицианта Баженовъ почти всегда приносилъ написанное имъ стихотвореніе.

композиторомъ, подбирая музыку для водевилей, написанныхъ имъ нарочно для этихъ спектаклей. Многія изъ этихъ піесъ были довольно подурны, и родные и знакомые, участвовавшіе въ этихъ спектакляхъ, уговаривали Баженова отдать на публичную сцену. «Съ публикою не шутятъ; — отвѣтъ онъ имъ—къ чему снисходительно отнесутся мои родные и знакомые, на то не такъ посмотреть публика». Впрочемъ, поступивъ въ московскій университетъ, по словесному факультету, онъ отдалъ на сцену нѣсколько своихъ небольшихъ піесъ; онѣ не безъ успѣха были играны на петербургской, московской, провинціальныхъ и любительскихъ сценахъ, напр. «Бѣдовая бабушка», «Любовный напитокъ» и др., но въ послѣдствіи онъ самъ признавалъ ихъ слабыми и даже былъ недоволенъ тѣмъ, что ихъ играли.

Вскорѣ по окончаніи курса въ университетъ, а именно въ 1859 г., онъ началъ писать критическія статьи о театрѣ, такъ горячо имъ любимомъ. Первые статьи его о театрѣ были помѣщены въ *Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ*; потомъ онъ писалъ о московскомъ театрѣ въ журналъ *Искусствъ*, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ журналъ *Разсужденіе*, въ *С.-Петербургскіе Вѣдомостяхъ* и наконецъ, съ 1 января 1864 г., основалъ свой собственный, первый въ Москвѣ (по времени) театральный журналъ, *Амтрактъ*.

Покойный придавалъ театру высокое значеніе и смотрѣлъ на служеніе ему, какъ на дѣло весьма серьезное, посвящая ему всѣ силы своей даровитой, любящей, честной и искренней натуры.

Всегда цѣня великое значеніе печатнаго слова, онъ постоянно помнилъ, что со словомъ надо обращаться честно, и это было лозунгомъ всей его литературной дѣятельности и главнѣйшею причиною, что она принесла благотворные результаты.

Когда А. Н. Баженовъ началъ свою критическую дѣятельность, французская мелодрама царила на русской сценѣ; онъ показалъ весь вредъ подобнаго рода піесъ для русской сцены; ему, по всей справедливости, принадлежитъ честь, что онъ много содѣйствовалъ своими статьями согнанію съ нашей сцены французскихъ мелодрамъ.

Когда съ 1 января 1864 г. началось изданіе *Амтракта*, французская мелодрама уже была согнана со сцены. Но одно зло замѣнилось другимъ. Русскія оригинальныя піесы наводнили нашъ театръ, но то, что давалось въ то время на нашей сценѣ, большею частію сильно отъмывалось мертвечиною; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ припомнить только имена большей части піесъ, дававшихся на нашей сценѣ со времени

основанія *Антракта*, хотя это и будетъ громадный трудъ, потому что время оправдало Баженова: почти всѣ эти пьесы давно уже умарли и даже забыты названія ихъ. И вотъ противъ этихъ-то недонесенъ, жившихъ короткое время и то не своей, а какою-то искусственной жизнью, Баженовъ вооружился въ *Антрактъ* всею силою своего критическаго дарованія, всею добросовѣстностью своей любви къ театру.

Но показавъ зло, царившее на нашей сценѣ, и вооружась противъ него, Баженовъ не остановился на этомъ. «Если говорить, такъ надо до чего-нибудь договариваться» — были любимыя слова покойнаго. Съ него не довольно было показать зло, онъ считалъ долгомъ предложить отъ него и лѣкарство. Рассмотрѣвъ дѣятельность современныхъ сценъ Европы, онъ ясно увидалъ общій упадокъ современной драматической литературы и предложилъ, какъ единственное средство къ спасенію, — обратиться къ вѣчно прекраснымъ образцамъ классическихъ пьесъ. Въ этомъ онъ пошелъ далѣе, болѣе приблизился къ цѣли и указалъ болѣе вѣрное средство къ спасенію нашей драматургіи, чѣмъ другой даровитый театральныи критикъ, Аполлонъ Григорьевъ. Подобно Баженову, Григорьевъ громилъ современные оригинальныя пьесы, но успокоивался на пьесахъ Островскаго, къ которымъ онъ питалъ большее пристрастіе. Строго-изящный вкусъ Баженова и ясное пониманіе дѣла не могли удовольствоваться этими пьесами. Баженовъ сознавалъ ихъ неудовлетворительность и видѣлъ спасеніе нашей сцены въ водвореніи на ней классическихъ пьесъ. Не разъ упрекали Баженова въ пристрастіи къ этимъ пьесамъ. Хорошо изучивъ классическую литературу, онъ, разумѣется, долженъ былъ прельститься ея образцами и, любя театръ всею душою, желалъ видѣть на немъ эти образцовыя произведенія, но желаніе это было въ немъ не увлеченіе, а сознаніе необходимости, какъ это онъ и высказалъ въ статьѣ «По поводу близкаго будущаго» (см. стр. 416).

Сознавая всю пользу, важность и необходимость постановки классическихъ пьесъ, Баженовъ горячо стоялъ за водвореніе ихъ на нашей сценѣ. Обладая твердымъ, устойчивымъ характеромъ, онъ постоянно ратовалъ за это всѣми зависѣвшими отъ него средствами и наконецъ дожилъ до того, что пьесы эти начали ставиться на московской сценѣ и даже противники *Антракта* стали примѣщать появленіе на нашей сценѣ классическаго репертуара вліянію этой газеты *).

*) Голосъ 1867 г. № 224 и *Антракта* 1867 г. № 33 (см. стр. 786 и 797).

Следыя сномъ «На новый (1865) годъ» (см. стр. 419) Баженовъ заключаетъ надежду, «что хоть наступившій годъ поможетъ нѣсколько осуществиться нашимъ давнимъ мечтамъ, что въ теченіе его мы увидимъ на нашей сценѣ хоть двѣ, три вновь поставленныя пьесы Шекспира и будемъ въ состояніи произнести наше: *Нынѣ отпускаеши*». И судьба дозволила Баженову дожить до исполненія его надеждъ и желаній. Не задолго до смерти, разговаривая со мною о томъ, что на нашей сценѣ уже поставлены *Израиленіе, строптивой, Много шума изъ ничего, Все же одно, что хорошо кончится, Вилдзорскія проказницы и Дельфическая колдунья*, что пьесы Мольера не сходятъ съ московскаго репертуара, что играютъ уже три пьесы Кальдерона, что готовятся къ постановкѣ *Гамлетъ, Зимняя сказка* и др., покойный сказалъ мнѣ: «Если бы теперь *Актъ* по какому-нибудь случаю прекратился, мы имѣли бы право сказать: *Нынѣ отпускаеши*».

Да, покойный былъ утѣшенъ занимавшеюся сивою прахъ, покрывающею нашу сцену, обитованною зарею и, дай Богъ, чтобы зря эта не обманула и была действительно зарею, предвѣстницею утра, а не мимолетною зарницею.

Но если постановка классическихъ пьесъ на нашей сценѣ и прекратится, потерявъ одного изъ талантливейшихъ и ревностнѣйшихъ своихъ поборниковъ, прахъ Баженова можетъ быть спокоенъ. Дѣло, которому онъ такъ страстно и постоянно служилъ, не прошло безполезно. Оно должно было принести плоды, оно должно было имѣть и неминуюемо имѣло благотворное вліяніе и на публику, и на театральныя дѣятелей, на очищеніе ихъ вкуса.

Покойнаго упрекали въ излишней строгости къ оригинальнымъ русскимъ пьесамъ. Да, онъ дѣйствительно былъ строгъ къ этимъ пьесамъ, но вовсе не излишне. Обвинявшимъ его въ излишней къ нимъ строгости онъ могъ бы отвѣтить словами поэта:

Когда бъ я не любилъ, такъ я бъ не ненавидѣлъ!

Любя страстно русскую сцену, могъ ли Баженовъ быть равнодушенъ къ тѣмъ оригинальнымъ пьесамъ, которыя появлялись на ней въ послѣдніе годы? Не долженъ ли онъ былъ стараться всѣми завистливыми отъ него средствами очистить отъ большей части ихъ нашу сцену и заставить нашихъ авторовъ серьезнѣе, добросовѣстнѣе, строже и лучше относиться къ тѣмъ произведеніямъ, которыя они несутъ на сцену?

Находились люди, упрекавшие покойного будто бы въ излишней рѣзкости. Одинъ изъ старыхъ артистовъ, помѣстившій свое письмо въ № 224 *Голоса* за 1867 г., сказалъ даже, что *Амтрактъ* почти ругается. Вотъ что отвѣчалъ Баженовъ на это: «Очень бы интересно было узнать, когда, кого, за что и какъ почти ругалъ *Амтрактъ*. И значить ли ругаться, называть вещи ихъ настоящими именами? Ругается ли *Амтрактъ*, когда, не обинуясь, прямо и безъ околичностей, но не безъ доказательствъ и не безъ доводовъ называетъ плохое—плохимъ, пустое—пустъ, бездарное—бездарнымъ?» (См. стр. 798). И Баженовъ имѣлъ полное право сказать это. Тонъ статей покойного былъ всегда приличный и сдержанный, можетъ быть болѣе приличный, чѣмъ у другихъ современныхъ театралныхъ рецензентовъ, въ чемъ отдана ему справедливость въ газетѣ «Москва» другимъ артистомъ нашей сцены (№ 130, 1867 г.). Скажу больше: приличный тонъ статей Баженова вліялъ на тонъ статей о театрѣ и другихъ рецензентовъ. Освободившись отъ стѣснительной театралной цензуры, большая часть нашихъ рецензентовъ приняла въ своихъ театралныхъ статьяхъ тонъ пренебрежительный, стала относиться къ дѣтелямъ нашего театра съ насмѣшками и даже глумленіемъ (припомнимъ статьи о театрѣ, печатавшіяся въ *Нашемъ времени*, *Зритель*, *Современности*, и большую часть изъ послѣднихъ театралныхъ рецензій Григорьева). Отъ тона подобнаго рода статей рѣзко отличается строго-благородный тонъ статей Баженова и смѣло можно сказать, что со времени начала изданія *Амтракта* тонъ театралныхъ статей значительно облагородился.

Чувство справедливости, долгъ «воздавать каждому свое» были всегда присущи покойному. Если Баженовъ видѣлъ хорошую оригинальную піесу, онъ радовался ей не менѣе и, вѣроятно, сознательнѣе отчаянныхъ поклонниковъ оригинальныхъ піесъ. Но не его виною было то, что мало являлось на нашей сценѣ хорошихъ оригинальныхъ произведеній; можетъ быть даже было совершеннымъ для него несчастіемъ, что во все время изданія *Амтракта* появился едва ли пятокъ хоть сколько-нибудь удовлетворительныхъ оригинальныхъ піесъ, и эти немногія піесы онъ съ любовью отдѣлялъ отъ остальнаго хлама, который такъ щедро несли русскіе писатели на нашу сцену. Любя эту сцену и желая ей добра, покойный говорилъ ея добродѣтельнымъ дѣтелямъ; «учитесь» и рекомендовалъ имъ великихъ учителей: Шекспира, Шиллера, Мольера, Гете, Кальдерона, Лопе де Вега и наконецъ Аристофана, Плавта, Теренція, Софокла, Эврипида и даже индѣйскихъ драматурговъ.

Честность и беспристрастие были отличительными качествами покойного. Вся критическая деятельность Баменова служит тому подтверждениемъ. Никакая посторонняя мысль, никакія побочныя отношенія никогда не руководили его перомъ. Ни дружба, ни вражда, ни страхъ, ни выгода, ни вообще какія бы то ни было личныя отношенія не имѣли вліянія на его приговоры; онъ писалъ всегда по убѣжденію, не стѣсняясь никакими посторонними соображеніями.

Изъ безчисленнаго множества случаевъ во время литературной дѣятельности покойнаго, могущихъ подтвердить справедливость этихъ словъ, я приведу на выдержку два, три.

Въ концѣ перваго года существованія «Антракта», лица вѣселаго московскаго общества устроили публичный раутъ-спектакль въ пользу негорьвинихъ жителей г. Самбирова. Въ статьѣ оцесей, помѣщенной въ *Антрактѣ* 4 декабря 1864 г. (см. стр. 388), Баменовъ со всею откровенностію, справедливостію и беспристрастіемъ разобралъ этотъ спектакль. Статья эта поразила участниковъ раута-спектакля; они возстали противъ нея всѣми силами и зановѣвшими отъ нихъ средствами. Этотъ спектакль, какъ я уже сказалъ, былъ исполненъ лицами московскаго вѣселаго общества. Дотогдѣ подобныя поползновенія обшрѣ своей не встрѣчали въ печати ничего, кромѣ похвалъ, были ли онѣ заслуженныя, или нѣтъ. И вдругъ раздается сильный и беспристрастный голосъ. Представьте же себѣ, какой поднялся переколохъ. Тогдашній корреспондентъ «Русскаго Инвалида», г. Омела, описывая его, говоритъ: «Дамы *высказано* съѣта чрезвычайно шумливыя, когда, съжовъ густой *ошипанъ* лести и непрерывный тулъ *комплиментовъ*», вдругъ представалъ предъ ними строгій образъ правды и раздавался суровый глаголъ ея. «Какъ!» разсуждали эти дамы, «мы удостоиваемъ общество чести публично *показывать* себя и дочерей *нашимъ* съ *этрады* (почтеное выраженіе одного изъ ихъ защитниковъ) и въѣето того, чтобы надать ницъ предъ *нашимъ* *condescendance*, находятъ люди, держащіе разбирать наши *gestes et paroles*, хвалить одно, хулить другое! *Quelle insolence!* Нужно замѣтить, что тонъ статьи *Антракта* вовсе не былъ оскорбительнымъ, и въ ней не было ни одного личнаго; оскорбительною могла показаться одна только рѣшительность произнести беспристрастный публичный судъ надъ публичнымъ же дѣломъ. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ спектаклѣ, разыгрывая роль рыцарей и вступаая за честь одной изъ исполнительницъ, лично оскорбленной будто бы названіемъ игры ея жеманною, винулись въ одно и тоже время съ

упреками къ редактору *Антракта* и съ жадобю на него. Являясь статьи противъ статьи *Антракта* о раутѣ спектаклѣ; устроитель этого спектакля ввалъ на себя трудъ печатно извиниться за автора этой статьи, даже наотбойчиво и съ угрозами требовали, чтобы авторъ ея печатно отрялся отъ написаннаго въ ней. Все это не смущало Баженова. Онъ смѣло объявлялъ себя авторомъ этой статьи, напечатавъ, что она принадлежитъ редакціи *Антракта*, съ прежнею смѣлостію и безпристрастіемъ отбывая на возраженія на его статью и уже само собою разумѣется отвергнувъ требованіе отказаться печатно отъ того, что имъ было написано.

Расскажу другой случай нелицепріятія Баженова. Смѣло могу сказать, что я принадлежалъ къ числу людей, которые были наиболее близки къ помѣщику, которыхъ онъ особенно любилъ. Дѣтъ пять тому назадъ увлеченный пріемомъ, положенномъ Викторомъ Сестуромъ въ основаніе его піесы «Le Téméraire de sang» (*Ворожея*), и не обративъ должнаго вниманія на отсутствіе художественнаго достоинства въ піесѣ, я перевелъ ее. Піеса была сыграна на московской сценѣ. Таблица *Антракта* состояла еще подъ театральною цензурою и статьи о московскомъ театре разсматривались теперешними управленіями московскихъ театровъ, Н. И. Пельтомъ. Разборъ Баженова, перепечатанной мною, піесы помѣщенъ въ «Антрактѣ» 1 октября 1864 г. (см. стр. 346) и вслѣдъ, что прочелъ или прочтеть этотъ разборъ, убѣдился, что авторъ его, многою не считавъ своего приговора ради дружбы съ перепечатавъ піесу. Этотъ разборъ Баженовъ передалъ мнѣ, просъ доставить его Н. И. Пельту для пріемскаго. Я исполнилъ это порученіе. Н. И. Пельтъ пріемскалъ статью и, можетъ быть по нашей дружбѣ съ Баженовымъ, не ожидая такого безпристрастнаго, строгаго и оправдательнаго разбора, сказалъ мнѣ: «Ну, я не думаю, чтобы Баженовъ былъ такъ благодаренъ и безпристрастенъ». Въ то время еще первый годъ существованія «Антракта», на тотъ, ознакомившись поближе съ нелицепріятіемъ покойнаго редактора, нѣтъ не сказалъ бы уже этихъ словъ *).

*). Котати о театральной цензурѣ. Когда бывшій управленій московскихъ театровъ, В. С. Мейндовъ, сталъ давать антракты и произвольныя выходы въ доставлявшихся ему Баженовымъ для цензурированія театральныхъ рецензій *Антракта*, Баженовъ корректуры съ подобными выходями представилъ бывшему въ то время директоромъ императорскихъ театровъ, графу А. М. Ворзу, и просилъ, чтобы были составлены замечанія для цензурированія театральныхъ статей. Тогда Ворза для невозможности говорить Баженову — производа не должно быть въ цензурѣ. Если